

Россия и меняющийся мир

В своих статьях я уже касался ключевых внешних вызовов, с которыми сталкивается сейчас Россия. Вместе с тем эта тема заслуживает более подробного разговора — и не только потому, что внешняя политика является неотъемлемой частью любой государственной стратегии. Внешние вызовы, меняющийся мир вокруг нас заставляют принимать решения в области экономики, культуры, бюджетные и инвестиционные решения.

Россия является частью большого мира — и с точки зрения экономики, и с точки зрения распространения информации, и с позиций культуры. Мы не можем и не хотим изолироваться. Мы рассчитываем, что наша открытость принесет гражданам России рост благосостояния и культуры и укрепит доверие, которое все больше становится дефицитным ресурсом.

Но мы будем последовательно исходить из собственных интересов и целей, а не продиктованных кем-то решений. Россию воспринимают с уважением, считаются с ней только тогда, когда она сильна и твердо стоит на ногах. Россия практически всегда пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Так будет и впредь. Более того, я убежден, что безопасность в мире можно обеспечить только вместе с Россией, а не пытаясь «задвинуть» ее, ослабить ее геополитические позиции, нанести ущерб обороноспособности.

Цели нашей внешней политики имеют стратегический, неконъюнктурный характер и отражают уникальное место России на мировой политической карте, ее роль в истории, в развитии цивилизации.

Мы, несомненно, продолжим активный и созидательный курс на укрепление всеобщей безопасности, отказ от конфронтации, на эффективное противодействие таким вызовам, как распространение ядерного оружия, региональные конфликты и кризисы, терроризм и наркоугроза. Сделаем все, чтобы обеспечить получение Россией последних достижений научно-технологического прогресса, а нашим предпринимателям — достойное место на глобальном рынке.

Будем стремиться к тому, чтобы формирование новой системы мироустройства, основывающегося на современных геополитических реалиях, происходило плавно, без ненужных потрясений.

Кто подрывает доверие

Как и прежде, считаю, что к числу важнейших постулатов относятся неделимый характер безопасности для всех государств, недопустимость гипертрофированного применения силы и безусловное соблюдение основополагающих принципов международного права. Пренебрежение всем этим ведет к дестабилизации международных отношений.

Именно через такую призму мы воспринимаем некоторые аспекты поведения США и НАТО, которые не вписываются в логику современного развития, опираются на стереотипы блокового мышления. Все понимают, что я имею в виду. Это расширение НАТО, включающее размещение новых объектов военной инфраструктуры, и планы альянса (с американским авторством) по созданию системы ПРО в Европе. Не стал бы касаться этой темы, если бы такие игры не велись непосредственно у российских границ, если бы они не расшатывали нашу безопасность, если бы они не работали против стабильности в мире.

Наша аргументация хорошо известна, не буду ее вновь разжевывать, но, к сожалению, она не воспринимается западными партнерами, от нее отмахиваются.

Беспокоит то, что хотя контуры наших «новых» взаимоотношений с НАТО еще окончательно не прорисовались, альянс уже создает «факты на земле», которые отнюдь не способствуют формированию доверия. В свою очередь, такое ведение дел бьет рикошетом по задачам глобального масштаба, мешая

закрепить позитивную повестку дня в международных отношениях, тормозит их конструктивную переналадку.

Череда вооруженных конфликтов, оправдываемых гуманитарными целями, подрывает освященный веками принцип государственного суверенитета. В международных отношениях образуется еще один вакуум — морально-правовой.

Часто говорят — права человека первичны по отношению к государственному суверенитету. Без сомнения, это так — преступления против человечества должны караться международным судом. Но когда при использовании этого положения легко нарушается государственный суверенитет, когда права человека защищаются извне и на выборочной основе — и в процессе «защиты» попираются такие же права массы людей, включая самое базовое и святое — право на жизнь, — речь идет не о благородном деле, а об элементарной демагогии.

Важно, чтобы ООН и ее Совет Безопасности могли эффективно противостоять диктату со стороны ряда стран и произволу на международной арене. Никто не вправе присваивать себе прерогативы и полномочия ООН, особенно в том, что касается применения силы в отношении суверенных государств. Речь прежде всего о НАТО, пытающемся взять на себя несвойственные для «оборонительного альянса» функции. Все это более чем серьезно. Мы помним, как тщетно зывали к правовым нормам и элементарной человеческой порядочности государства, ставшие жертвами «гуманитарных» операций и экспорта «ракетно-бомбовой демократии». Их не слышали и не хотели слышать.

Похоже, что у натовцев, и прежде всего у США, сложилось своеобразное понимание безопасности, фундаментально отличающееся от нашего. Американцы одержимы идеей обеспечить себе абсолютную неуязвимость, что, замечу, утопично и нереализуемо как в технологическом, так и в геополитическом плане. Но в этом, собственно, суть проблемы.

Абсолютная неуязвимость для одного означала бы абсолютную уязвимость для всех остальных. С такой перспективой невозможно согласиться. Другое дело, что многие страны — в силу известных причин — предпочитают об этом не говорить прямо. Россия же всегда будет называть вещи своими именами и делать это открыто. Вновь подчеркну, что нарушение принципа единства и неделимости безопасности — причем вопреки многократным декларациям о приверженности ему — чревато серьезнейшими угрозами. В конечном счете — и для тех государств, которые по разным причинам инициируют такие нарушения.

«Арабская весна»: уроки и выводы

Год назад мир столкнулся с новым феноменом — почти синхронными демонстрациями во многих арабских странах против авторитарных режимов. «Арабская весна» вначале воспринималась с надеждой на позитивные перемены. Симпатии россиян были на стороне тех, кто добивался демократических реформ.

Однако скоро стало ясно, что во многих странах события разворачиваются не по цивилизованному сценарию. Вместо утверждения демократии, вместо защиты прав меньшинства — выталкивание противника, переворот, когда доминирование одной силы сменяется еще более агрессивным доминированием другой.

Негативный окрас развитию ситуации придало вмешательство извне в поддержку одной из сторон внутренних конфликтов — и сам силовой характер такого вмешательства. Дошло до того, что ряд государств под прикрытием гуманитарных лозунгов с помощью авиации разделились с ливийским режимом. И как апофеоз — отвратительная сцена даже не средневековой, а какой-то первобытной расправы с М. Каддафи.

Нельзя допустить, чтобы «ливийский сценарий» кто-то попытался реализовать в Сирии. Усилия международного сообщества должны быть направлены прежде всего на достижение межсирийского примирения. Важно добиться скорейшего прекращения насилия, откуда бы оно ни исходило, запустить

наконец общенациональный диалог — без предварительных условий, без иностранного вмешательства и при уважении суверенитета страны. Это создаст предпосылки для того, чтобы объявленные сирийским руководством меры по демократизации реально выполнялись. Главное — не допустить возникновения полномасштабной гражданской войны. В этом ключе работала и будет работать российская дипломатия.

Наученные горьким опытом, мы против принятия таких резолюций СБ ООН, которые трактовались бы как сигнал к военному вмешательству во внутрисирийские процессы. Именно руководствуясь этим принципиальным подходом, Россия вместе с Китаем не допустила в начале февраля принятия резолюции, которая как раз читалась бы неоднозначно, а на практике стимулировала бы насильственные действия одной из сторон внутреннего конфликта.

В этой связи с учетом крайне резкой, на грани истерики, реакции на российско-китайское вето хотел бы предостеречь наших западных коллег от соблазна прибегнуть к ранее использовавшейся незатейливой схеме: есть одобрение Совета Безопасности ООН на ту или иную акцию — хорошо, нет — создадим коалицию заинтересованных государств. И ударим.

Сама логика такого поведения контрпродуктивна и весьма опасна. Она ни к чему хорошему не приводит. Во всяком случае — не способствует урегулированию ситуации внутри переживающей конфликт страны. Но что еще хуже — вызывает дальнейшую разбалансировку всей системы международной безопасности, подрывает авторитет и центральную роль ООН. Напомню, что право вето не каприз, а неотъемлемая часть мироустройства, закрепленная в Уставе ООН, кстати, по настоянию США. Смысл этого права в том, что решения, против которых возражает хотя бы один постоянный член Совбеза ООН, не могут быть состоятельными и эффективными.

Очень рассчитываю, что США и другие страны учтут печальный опыт и не попытаются задействовать без санкции СБ ООН силовой сценарий в Сирии. Вообще никак не могу понять, откуда такой воинственный зуд. Почему не хватает терпения выработать выверенный и сбалансированный коллективный подход, тем более что в случае с упомянутым проектом «сирийской резолюции» он уже практически вырисовывался. Оставалось только потребовать от вооруженной оппозиции того же, что и от правительства, в частности вывести боевые подразделения и отряды из городов. Отказ сделать это циничен. Если мы хотим обезопасить мирных граждан — а это для России первостепенная цель, — то необходимо урезонить всех участников вооруженного противостояния.

И еще один аспект. Получается так, что в странах, непосредственно прошедших через «арабскую весну», как ранее в Ираке, российские компании теряют наработанные десятилетиями позиции на местных рынках, лишаются довольно крупных коммерческих контрактов. А освободившиеся ниши заполняются экономическими операторами тех самых государств, которые приложили руку к смене правящих режимов.

Может возникнуть мысль, что сами трагические события в определенной степени были простимулированы не заботой о правах человека, а чьей-то заинтересованностью в переделе рынков. Как бы то ни было, но нам, конечно, нельзя с олимпийским спокойствием взирать на все это. И мы намерены активно работать с новыми властями арабских стран, чтобы оперативно восстановить наши экономические позиции.

В целом же происходящее в арабском мире весьма поучительно. События показывают, что стремление внедрить демократию с помощью силовых методов может — и зачастую приводит к абсолютно противоположному результату. Со дна поднимаются силы, в том числе и религиозные экстремисты, которые пытаются изменить само направление развития стран, светский характер их управления.

Мы в России всегда имели хорошие контакты с умеренными представителями ислама, чье мировоззрение близко традициям российских мусульман. И готовы развивать эти контакты в нынешних условиях. Заинтересованы в активизации политических и торгово-экономических связей со всеми арабскими странами, в том числе, повторю, с непосредственно пережившими период внутренних

потрясений. Более того, вижу реальные предпосылки, чтобы Россия в полной мере сохранила свои ведущие позиции на ближневосточной арене, где у нас всегда было много друзей.

Что касается арабо-израильского конфликта, то «волшебный рецепт», с помощью которого можно было бы наконец разрулить ситуацию, до сих пор не изобретен. Руки опускать ни в коем случае нельзя. Учитывая, в частности, наши близкие отношения с руководством Израиля и палестинскими лидерами, российская дипломатия продолжит на двусторонней основе и в формате ближневосточного «квартета» активное содействие возобновлению мирного процесса, координируя свои шаги с Лигой арабских государств.

«Арабская весна» также ярко продемонстрировала, что мировое общественное мнение в нынешнее время формируется путем самого активного задействования продвинутых информационных и коммуникационных технологий. Можно сказать, что интернет, социальные сети, мобильные телефоны и т.п. превратились — наряду с телевидением — в эффективный инструмент как внутренней, так и международной политики. Это новый фактор, требующий осмысления, в частности для того, чтобы, продвигая и дальше уникальную свободу общения в интернете, уменьшить риск его использования террористами и преступниками.

В ходу все чаще и такое понятие, как «мягкая сила» — комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия. К сожалению, нередко эти методы используются для взращивания и провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств.

Следует четко различать — где свобода слова и нормальная политическая активность, а где задействуются противоправные инструменты «мягкой силы». Можно только приветствовать цивилизованную работу гуманитарных и благотворительных неправительственных организаций. В том числе — выступающих активными критиками действующих властей. Однако активность «псевдо-НПО», других структур, преследующих при поддержке извне цели дестабилизации обстановки в тех или иных странах, недопустима.

Имею в виду случаи, когда активность неправительственной организации не вырастает из интересов (и ресурсов) каких-то местных социальных групп, а финансируется и опекается внешними силами. В мире сегодня много «агентов влияния» крупных государств, блоков, корпораций. Когда они выступают открыто — это просто одна из форм цивилизованного лоббизма. У России тоже есть такие институты — Россотрудничество, фонд «Русский мир», наши ведущие университеты, расширяющие поиск талантливых абитуриентов за рубежом.

Но Россия не использует национальные НПО других стран, не финансирует эти НПО, зарубежные политические организации в целях проведения своих интересов. Не действуют так ни Китай, ни Индия, ни Бразилия. Мы считаем, что влияние на внутреннюю политику и на общественное настроение в других странах должно вестись исключительно открыто — тогда игроки будут максимально ответственно относиться к своим действиям.

Новые вызовы и угрозы

Сейчас в фокусе всеобщего внимания — Иран. Несомненно, Россию тревожит нарастающая угроза военного удара по этой стране. Если это произойдет, то последствия будут поистине катастрофическими. Их реальный масштаб представить невозможно.

Убежден, решать проблему нужно только мирным путем. Мы предлагаем признать право Ирана на развитие гражданской ядерной программы, включая право обогащать уран. Но сделать это в обмен на постановку всей иранской ядерной деятельности под надежный и всесторонний контроль МАГАТЭ. Если это получится — тогда отменить все действующие против Ирана санкции, включая односторонние. Запад слишком увлекся «наказанием» отдельных стран. Чуть что — хватается за санкционную, а то и за военную дубину. Напомню, что мы не в XIX и даже не в XX веке.

Не менее серьезная ситуация складывается вокруг корейской ядерной проблемы. Пхеньян, нарушая режим нераспространения, открыто заявляет о своих претензиях на право обладания «военным атомом», уже дважды провел испытания ядерных зарядов. Ядерный статус КНДР для нас неприемлем. Мы неизменно выступаем за денуклеаризацию Корейского полуострова, причем исключительно политико-дипломатическими средствами, призываем к скорейшему возобновлению шестисторонних переговоров.

Однако, судя по всему, не все наши партнеры разделяют такой подход. Убежден, что сейчас нужно проявлять особую аккуратность. Недопустимы попытки испытать на прочность нового лидера КНДР, которые, по сути, провоцировали бы необдуманные контрмеры.

Напомню, что у КНДР и России — общая граница, а соседей, как известно, не выбирают. Будем продолжать активный диалог с руководством этой страны, развивать добрососедские связи, одновременно выводя Пхеньян на решение ядерной проблемы. Очевидно, что это будет сделать легче, если на полуострове укрепится атмосфера взаимного доверия, возобновится межкорейский диалог.

На фоне страстей вокруг ядерных программ Ирана и Северной Кореи невольно начинаешь задумываться о том, как возникают риски распространения ядерного оружия — и кто их усиливает. Есть ощущение, что участвовавшие случаи грубого и даже силового вмешательства извне во внутренние дела стран могут стимулировать те или иные авторитарные режимы (да и не только их) к обладанию ядерным оружием. Имею, мол, атомную бомбу в кармане, и никто меня не тронет, поскольку себе дороже. А у кого бомбы нет — тот пусть ждет «гуманитарной» интервенции.

Нравится это нам или нет, но то, что внешнее вмешательство подталкивает к такому ходу мыслей, — факт. Поэтому и так называемых «пороговых» стран, находящихся на расстоянии вытянутой руки от технологий «военного атома», становится не меньше, а больше. В этих условиях возрастает значение создаваемых в различных частях мира зон, свободных от ОМУ. По инициативе России начата работа по обсуждению параметров такой зоны на Ближнем Востоке.

Необходимо сделать все возможное, чтобы соблазн заполучить ядерное оружие ни перед кем не маячил. Для этого и самим борцам за нераспространение надо перестроиться, особенно тем, кто привык наказывать другие страны с помощью военной силы, не дав поработать дипломатии. Так было, например, в Ираке, проблемы которого после почти десятилетней оккупации лишь усугубились.

Если наконец удастся искоренить стимулы, подталкивающие государства к обладанию ядерным оружием, то можно будет на основе действующих договоров сделать международный режим нераспространения по-настоящему универсальным и прочным. Такой режим давал бы возможность всем заинтересованным странам в полной мере пользоваться благами «мирного атома» под контролем МАГАТЭ.

Для России это было бы крайне выгодно, поскольку мы активно работаем на международных рынках, строим новые АЭС на базе современных, безопасных технологий, участвуем в создании многосторонних центров по обогащению урана и банков ядерного топлива.

Тревожит будущее Афганистана. Мы, как известно, поддержали военную операцию по оказанию международной помощи этой стране. Но международный военный контингент под эгидой НАТО не решил поставленных задач. Террористическая и наркоугроза, исходящая из Афганистана, не снижается. Объявив об уходе из этой страны в 2014 году, американцы занимаются созданием там и в соседних государствах военных баз без внятного мандата, целей и сроков их функционирования. Нас это, понятно, не устраивает.

Россия имеет очевидные интересы в Афганистане. И эти интересы — совершенно понятные. Афганистан — наш близкий сосед, и мы заинтересованы в том, чтобы эта страна развивалась стабильно и мирно. И главное — перестала быть главным источником наркоугрозы. Незаконный оборот наркотиков превратился в одну из острейших угроз, подрывает генофонд целых наций, создает питательную среду для коррупции и криминала и ведет к дестабилизации обстановки в самом

Афганистане. Замечу, что производство афганских наркотиков не только не сокращается, но в прошлом году увеличилось почти на 40%. Россия сталкивается с настоящей героиновой агрессией, наносящей огромный ущерб здоровью наших граждан.

Учитывая масштабы афганской наркоугрозы, одолеть ее можно только всем миром, опираясь на ООН и региональные организации — ОДКБ, ШОС и СНГ. Мы готовы рассмотреть серьезное расширение участия России в обеспечении операции помощи афганскому народу. Но при условии, что международный контингент в Афганистане будет действовать более энергично и в наших интересах, займется физическим уничтожением наркопосевов и подпольных лабораторий.

Активизация антинаркотических мероприятий внутри Афганистана должна сопровождаться надежным перекрытием маршрутов транспортировки опиатов на внешние рынки, пресечением финансовых потоков, обеспечивающих наркооборот, блокированием поставок химических веществ, используемых для производства героина. Цель — выстроить в регионе комплексную систему антинаркотической безопасности. Россия будет реально содействовать эффективному объединению усилий международного сообщества, чтобы добиться коренного перелома в борьбе с глобальной наркоугрозой.

Трудно прогнозировать, как дальше будет развиваться обстановка в Афганистане. Опыт истории учит, что иностранное военное присутствие не приносило ему успокоения. Только афганцы смогут решить собственные проблемы. Вижу роль России в том, чтобы при активном участии стран-соседей помочь афганскому народу создать устойчивую экономику, повысить способность национальных вооруженных сил противостоять угрозам терроризма и наркопреступности. Мы не против того, чтобы к процессу национального примирения присоединились участники вооруженной оппозиции, включая талибов — при условии, что они откажутся от насилия, признают конституцию страны, разорвут связи с «Аль-Каидой» и другими террористическими группировками. В принципе считаю, что построение мирного, стабильного, независимого и нейтрального афганского государства вполне достижимо.

Замороженная годами и десятилетиями нестабильность создает питательную среду для международного терроризма. Все признают, что это один из самых опасных вызовов для мирового сообщества. Хочу обратить внимание, что кризисные зоны, порождающие террористические угрозы, находятся вблизи российских границ — гораздо ближе, чем для наших европейских или американских партнеров. В ООН принята Глобальная контртеррористическая стратегия, но складывается впечатление, что борьба с этим злом все еще ведется не по единому универсальному плану, не последовательно, а в режиме реагирования на острые и наиболее варварские проявления террора — когда общественное возмущение наглыми акциями террористов совсем зашкаливает. Цивилизованный мир не должен дожидаться трагедий масштаба нью-йоркской атаки террористов в сентябре 2001 года или нового Беслана и только после этого, встрепенувшись, действовать коллективно и решительно.

Далек от того, чтобы отрицать достигнутые результаты в борьбе с международным террором. Они есть. В последние годы заметно укрепилось сотрудничество между спецслужбами и правоохранительными органами различных стран. Но резервы в антитеррористическом взаимодействии — налицо. Да что тут говорить, до сих пор сохраняются «двойные стандарты», террористов в разных странах воспринимают по-разному: как «плохих» и «не очень плохих». Последних кое-кто не прочь использовать в политической игре, например для расшатывания неудобных правящих режимов.

Скажу и о том, что в профилактике терроризма повсюду должны быть задействованы имеющиеся общественные институты — СМИ, религиозные объединения, НПО, система образования, наука и бизнес. Нужен межконфессиональный и, в более широком плане, межцивилизационный диалог. Россия — поликонфессиональное государство, и у нас никогда не было религиозных войн. Мы могли бы внести свой вклад в международную дискуссию на этот счет.

Повышение роли Азиатско-Тихоокеанского региона

С нашей страной соседствует важнейший центр глобальной экономики — Китай. Стало модным рассуждать о его будущей роли в глобальной экономике и международных делах. В прошлом году китайцы вышли на второе место в мире по объему ВВП и уже в ближайшей перспективе, по оценке

международных, в том числе американских экспертов, превзойдут по этому показателю США. Растет и совокупная мощь КНР, включая возможность проекции силы в различных регионах.

Как нам вести себя с учетом динамично укрепляющегося китайского фактора?

Во-первых, убежден, что рост китайской экономики — отнюдь не угроза, а вызов, несущий в себе колоссальный потенциал делового сотрудничества, шанс поймать «китайский ветер» в «паруса» нашей экономики. Мы должны активнее выстраивать новые кооперационные связи, сопрягая технологические и производственные возможности наших стран, задействуя — разумеется, с умом — китайский потенциал в целях хозяйственного подъема Сибири и Дальнего Востока.

Во-вторых, своим поведением на мировой арене Китай не дает повода говорить о его претензиях на доминирование. Китайский голос действительно звучит в мире все увереннее, и мы приветствуем это, поскольку Пекин разделяет наше видение формирующегося равноправного миропорядка. Будем продолжать оказывать друг другу поддержку на международной арене, сообща решать острые региональные и глобальные проблемы, наращивать взаимодействие в Совете Безопасности ООН, БРИКС, ШОС, «двадцатке» и других многосторонних механизмах.

И в-третьих, у нас закрыты все крупные политические вопросы в отношениях с Китаем, включая главный — пограничный. Выстроен прочный, оформленный юридически обязывающими документами механизм двусторонних связей. Между руководством двух стран достигнут беспрецедентно высокий уровень доверия. Это позволяет и нам, и китайцам действовать в духе настоящего партнерства, на основе прагматизма и учета взаимных интересов. Созданная модель российско-китайских отношений — весьма перспективна.

Сказанное, конечно, не означает, что у нас с Китаем все бесппроблемно. Те или иные шероховатости имеют место. Наши коммерческие интересы в третьих странах далеко не всегда совпадают, не совсем устраивает нас и складывающаяся структура товарооборота, низкий уровень взаимных инвестиций. Будем внимательно следить за миграционными потоками из КНР.

Главная же моя мысль — процветающий и стабильный Китай нужен России, и, в свою очередь, Китаю, уверен, нужна сильная и успешная Россия.

Очень быстро растет и другой азиатский гигант — Индия. С ней Россию связывают традиционно дружественные отношения, содержание которых определено руководством двух стран как особо привилегированное стратегическое партнерство. От его укрепления выиграют не только наши страны, но и вся формирующаяся система полицентричности в мире.

На наших глазах происходит не только рост Китая и Индии, но и повышение веса всего Азиатско-Тихоокеанского региона. В этой связи открываются новые горизонты для плодотворной работы в рамках российского председательства в АТЭС. В сентябре этого года мы принимаем саммит этой организации во Владивостоке, активно готовимся, создаем современную инфраструктуру, что само по себе будет способствовать дальнейшему развитию Сибири и Дальнего Востока, позволит нашей стране в еще большей степени подключиться к динамичным интеграционным процессам в «новой Азии».

Придаем и будем придавать приоритетное значение взаимодействию с партнерами по БРИКС. Эта уникальная структура, созданная в 2006 году, нагляднее всего символизирует переход от однополярности к более справедливому мироустройству. Она объединяет пять стран с населением почти в три миллиарда человек, обладающих наиболее крупными развивающимися экономиками, колоссальными трудовыми и природными ресурсами, огромными внутренними рынками. С присоединением Южной Африки БРИКС приобрел в полном смысле глобальный формат, и уже сейчас на него приходится свыше 25% мирового ВВП.

Мы еще только привыкаем работать в таком составе, притираемся друг к другу. В частности, предстоит наладить более тесную координацию по внешнеполитическому досье, плотнее работать на площадке

ООН. Но когда «пятерка» БРИКС развернется по-настоящему, ее влияние на международную экономику и политику будет весьма весомым.

В последние годы российская дипломатия, наши деловые круги стали уделять больше внимания развитию сотрудничества со странами Азии, Латинской Америки и Африки. В этих регионах по-прежнему сильны искренние симпатии к России. Вижу в качестве одной из ключевых задач на предстоящий период наращивание с ними торгово-экономического взаимодействия, реализацию совместных проектов в области энергетики, инфраструктуры, инвестиций, науки и техники, банковского бизнеса и туризма.

Возрастающую роль упомянутых континентов в формирующейся демократичной системе управления глобальной экономикой и финансами отражает деятельность «Группы двадцати». Считаю, что это объединение вскоре превратится в стратегически важный инструмент не только кризисного реагирования, но и долгосрочного реформирования мировой финансово-экономической архитектуры. Россия будет председательствовать в «Группе двадцати» в 2013 году. Несомненно, мы должны использовать председательские функции и для усиления сопряженности работы «двадцатки» с другими многосторонними структурами, прежде всего с «большой восьмеркой» и, конечно же, с ООН.

Европейский фактор

Россия — неотъемлемая, органичная часть Большой Европы, широкой европейской цивилизации. Наши граждане ощущают себя европейцами. Нам далеко не безразлично, как развиваются дела в объединенной Европе.

Вот почему Россия предлагает двигаться к созданию от Атлантики до Тихого океана единого экономического и человеческого пространства — общности, называемой российскими экспертами «Союзом Европы», который только укрепит возможности и позиции России в ее экономическом повороте к «новой Азии».

На фоне подъема Китая, Индии, других новых экономик остро воспринимаются финансово-экономические потрясения в Европе — прежнем оазисе стабильности и порядка. Поразивший еврозону кризис не может не затрагивать интересов России — прежде всего с учетом того, что ЕС является нашим крупнейшим внешнеэкономическим, торговым партнером. Очевидно и то, что от состояния дел у европейцев в значительной степени зависят перспективы развития всей глобальной экономической конструкции.

Россия активно подключилась к международным мерам по поддержке пострадавших европейских экономик, последовательно участвует в выработке коллективных решений по линии МВФ. Не исключаем в принципе и возможности оказания в ряде случаев финансовой помощи напрямую.

Вместе с тем полагаю, что внешние финансовые вливания способны решить проблему лишь частично. Для полноценного выправления ситуации требуются энергичные меры системного характера. Перед европейскими руководителями стоит задача проведения масштабных преобразований, принципиально меняющих многие финансово-экономические механизмы, обеспечивающих подлинную бюджетную дисциплину. Мы заинтересованы в сильном Европейском союзе, каким его видят, например, Германия и Франция, заинтересованы в реализации мощного потенциала партнерства России и ЕС.

Сегодняшний уровень взаимодействия России и Евросоюза все-таки не соответствует глобальным вызовам, прежде всего в плане повышения конкурентоспособности нашего общего континента. Вновь предлагаю поработать в пользу создания гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока. А в будущем выйти и на формирование зоны свободной торговли и даже более продвинутых механизмов экономической интеграции. Тогда мы получим общий континентальный рынок стоимостью в триллионы евро. Есть ли сомневающиеся в том, что это было бы здорово, отвечало бы интересам россиян и европейцев?

Нужно задуматься и о более глубокой кооперации в сфере энергетики — вплоть до создания единого энергокомплекса Европы. Важные шаги в этом направлении — строительство газопроводов «Северный поток» по дну Балтики и «Южный поток» в Черном море. Эти проекты поддержали правительства многих стран, в них участвуют крупнейшие европейские энергетические компании. После их полного ввода в эксплуатацию Европа получит надежную и гибкую, не зависящую от чьих-либо политических капризов систему газоснабжения, что позволит не формально, а реально укрепить энергобезопасность континента. Это особенно актуально в свете решения некоторых европейских государств сократить или вообще отказаться от использования ядерной энергии.

Прямо скажу, что пролоббированный Еврокомиссией «Третий энергопакет», направленный на выдавливание российских интегрированных компаний, не укрепляет наших отношений. Но он — с учетом возросшей нестабильности альтернативных России поставщиков энергоресурсов — еще и обостряет системные риски для самой европейской энергетики, отпугивает потенциальных инвесторов в новые инфраструктурные проекты. В беседах со мной многие европейские политики поругивают «пакет». Надо набраться мужества и убрать это препятствие на пути взаимовыгодного сотрудничества.

Считаю, что подлинное партнерство между Россией и Евросоюзом невозможно, пока сохраняются барьеры, мешающие человеческим и экономическим контактам, в первую очередь — визовый режим. Отмена виз стала бы мощным импульсом для реальной интеграции России и ЕС, помогла бы расширить культурные и деловые связи, особенно между средним и малым бизнесом. Угрозы для европейцев со стороны т.н. экономических мигрантов из России — большей частью надуманные. Нашим людям есть где приложить свои силы и умения у себя в стране, и таких возможностей становится все больше.

В декабре 2011 года мы согласовали с ЕС «совместные шаги» к безвизовому режиму. Осуществить их можно и нужно не мешкая. Имею в виду продолжать заниматься этим вопросом самым активным образом.

Российско-американские дела

За последние годы сделано немало в развитии российско-американских отношений. Но все-таки решить вопрос о фундаментальном изменении матрицы этих отношений пока не удалось, они по-прежнему подвержены приливам и отливам. Такая неустойчивость партнерства с Америкой — отчасти следствие живучести известных стереотипов и фобий. Наглядный пример — как Россию воспринимают на Капитолийском холме. Но главная проблема — это то, что двусторонний политический диалог и сотрудничество не опираются на прочный экономический фундамент. Объем торговли далеко не отвечает потенциалу экономик наших стран. То же самое — с взаимными инвестициями. Таким образом, страховочная сетка, которая оберегала бы наши отношения от конъюнктурных перепадов, так и не создана. Над этим надо работать.

Не способствуют упрочению взаимопонимания и регулярные попытки США заниматься «политической инженерией», в том числе в регионах, традиционно важных для нас, да и по ходу избирательных кампаний в России.

Повторю, что американская затея с созданием системы ПРО в Европе вызывает у нас законные опасения. Почему эта система беспокоит нас больше, чем других? Да потому, что она затрагивает имеющиеся только у России на этом театре силы стратегического ядерного сдерживания, нарушает выверенный десятилетиями военно-политический баланс.

Неразрывная взаимосвязь между ПРО и стратегическими наступательными вооружениями отражена в подписанном в 2010 году новом Договоре по СНВ. Договор вступил в силу и неплохо работает. Это крупное внешнеполитическое достижение. Мы готовы рассматривать разные варианты того, что может составить нашу совместную с американцами повестку дня в области контроля над вооружениями на предстоящий период. Незыблемым правилом при этом должен стать баланс интересов, отказ от попыток через переговоры добиться для себя односторонних преимуществ.

Напомню, что я еще президенту Дж. Бушу на встрече в Кеннебанкпорте в 2007 году предлагал решение проблемы ПРО, которое — будь оно принято — изменило бы привычный характер российско-американских отношений, перевело бы ситуацию в позитивное русло. Более того, если бы тогда удалось добиться прорыва по ПРО, то в буквальном смысле открылись бы шлюзы для выстраивания качественно новой, близкой к союзнической модели сотрудничества и во многих других чувствительных областях.

Не получилось. Было бы, наверное, полезно поднять запись переговоров в Кеннебанкпорте. В последние годы российским руководством делались и другие предложения, как можно было бы договориться по ПРО. Все они — в силе.

Во всяком случае, не хотелось бы ставить крест на возможности поисков компромиссных вариантов решения проблемы ПРО. Не хотелось бы доводить дело до размещения американской системы в таких масштабах, чтобы это потребовало реализации наших объявленных контрмер.

Недавно у меня состоялась беседа с Г. Киссинджером. Мы с ним встречаемся регулярно. И я полностью разделяю тезис этого большого профессионала о том, что в периоды международной турбулентности тесное и доверительное взаимодействие Москвы и Вашингтона особенно востребовано.

Вообще в отношениях с США мы были бы готовы пойти действительно далеко, совершить качественный прорыв, однако при условии, что американцы на деле будут руководствоваться принципами равноправного и взаимоуважительного партнерства.

Экономическая дипломатия

В декабре прошлого года наконец был завершен многолетний марафон присоединения России к ВТО. Не могу не отметить, что на финишном отрезке администрация Б. Обамы и руководители ряда ведущих европейских государств активно способствовали достижению окончательных договоренностей.

Скажу откровенно, на этом длинном и тернистом пути иной раз хотелось «хлопнуть дверью», вообще бросить переговоры. Но мы не поддались эмоциям. В итоге достигнут вполне благоприятный для нашей страны компромисс — удалось обеспечить интересы российских промышленных и сельскохозяйственных производителей с учетом предстоящего возрастания конкуренции извне. Наши экономические операторы получают существенные дополнительные возможности для выхода на мировые рынки и цивилизованной защиты там своих прав. Именно в этом, а не в символике присоединения России к всемирному торговому «клубу» вижу главный результат.

Россия будет соблюдать нормы ВТО, как и все свои международные обязательства. Рассчитываю, что так же честно, по правилам будут играть и наши партнеры. Попутно отмечу, что мы уже перенесли принципы ВТО в нормативно-правовую базу Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана.

Если попытаться проанализировать, как мы продвигаем российские экономические интересы на международной арене, становится ясно, что мы еще только учимся делать это системно и последовательно. Еще не хватает умения, как это удается многим западным партнерам, грамотно лоббировать на внешнеэкономических площадках выгодные отечественному бизнесу решения.

Задачи же на этом направлении, с учетом приоритетов инновационного развития страны, стоят более чем серьезные — обеспечить России равноправные позиции в современной системе мирохозяйственных связей, свести к минимуму риски, возникающие при интеграции в мировую экономику, в том числе в контексте упомянутого вступления в ВТО и предстоящего присоединения к ОЭСР.

Нам как воздух необходим более широкий, недискриминационный выход на внешние рынки. Пока с российскими экономическими операторами за границей особо не церемонятся. Принимают против них ограничительные торгово-политические меры, возводят технические барьеры, ставящие их в менее выгодное положение по отношению к конкурентам.

Аналогичная картина и с инвестициями. Мы стараемся привлечь в российскую экономику зарубежные капиталы, открываем для них самые привлекательные отрасли, подпускаем к действительно «лакомым кускам», в частности в топливно-энергетическом комплексе. наших же инвесторов за рубежом особо не привечают, а зачастую демонстративно оттирают в сторону.

За примерами ходить далеко не надо. Взять историю с германским «Опелем», который так и не смогли приобрести российские инвесторы — даже несмотря на то, что эту сделку одобрило правительство ФРГ и позитивно восприняли немецкие профсоюзы. Или вопиющие ситуации, когда российскому бизнесу, вложившему солидные средства в зарубежные активы, попросту не дают вступить в права инвестора. Такое особенно часто происходит в Центральной и Восточной Европе.

Все это подводит к мысли о необходимости усилить политико-дипломатическое сопровождение действий российских предпринимателей на внешних рынках, оказывать более плотную поддержку крупным, знаковым деловым проектам. Не забывать и о том, что Россия может применять зеркальные ответные меры в отношении тех, кто прибегает к приемам недобросовестной конкуренции.

Правительству и предпринимательским объединениям следовало бы четче координировать свои усилия на внешнеэкономическом направлении, более настойчиво продвигать интересы российского бизнеса, помогать ему осваивать новые рынки.

Хочу обратить внимание и на такой существенный фактор, который во многом определяет роль и место России в нынешних и будущих международных политических и экономических раскладах, как огромная территория нашей страны. Пусть сейчас мы занимаем не одну шестую часть суши, но тем не менее Российская Федерация — самое крупное государство с богатейшей ресурсной базой, которой нет равных в мире. Имею в виду не только нефть и газ, но также леса, сельскохозяйственные земли, запасы чистой пресной воды.

То есть территория России — источник ее потенциальной силы. Раньше огромные пространства служили для нашей страны преимущественно как буфер от внешней агрессии. Сейчас, при правильной экономической стратегии, они могут стать важнейшей основой для повышения ее конкурентоспособности.

Упомяну, в частности, быстро возрастающий в мире дефицит пресной воды. Можно предсказать, что уже в недалеком будущем развернется геополитическая конкуренция за водные ресурсы, за возможность производить водоемкие товары. У нас в руках оказывается сильный козырь. Наша страна понимает, что доставшимся богатством надо распорядиться рачительно и стратегически грамотно.

Поддержка соотечественников и гуманитарное измерение

Уважение к своей стране определятся еще и тем, как она способна защитить права своих граждан и соотечественников за границей. Важно никогда не забывать об интересах миллионов соотечественников, проживающих в зарубежных странах, и наших граждан, выезжающих за границу на отдых и в командировки. Подчеркну: МИД и все дипломатические и консульские представительства обязаны в круглосуточном режиме оказывать реальную помощь и поддержку соотечественникам. Реакция со стороны дипломатов на возникающие коллизии между нашими согражданами и местными властями, инциденты и происшествия, аварии на транспорте и т.д. должна быть незамедлительной — не дожидаясь, пока СМИ начнут бить в колокола.

Мы будем самым решительным образом добиваться выполнения властями Латвии и Эстонии многочисленных рекомендаций авторитетных международных организаций относительно соблюдения общепризнанных прав национальных меньшинств. С существованием позорного статуса «неграждан» мириться нельзя. Да и как можно мириться с тем, что каждый шестой латвийский житель и каждый тринадцатый житель Эстонии как «неграждане» лишены основополагающих политических, избирательных и социально-экономических прав, возможности свободно использовать русский язык.

Взять состоявшийся несколько дней назад в Латвии референдум по статусу русского языка, который вновь наглядно продемонстрировал международному сообществу остроту проблемы. Ведь к участию в референдуме опять не допустили более 300 тысяч «неграждан». И совсем ни в какие ворота не лезет отказ латвийского ЦИК предоставить делегации Общественной палаты России статус наблюдателей на референдуме. А международные организации, ответственные за соблюдение общепринятых демократических стандартов, как будто в рот воды набрали.

Вообще то, как проблематика прав человека используется в международном контексте, вряд ли может нас устроить. Во-первых, США и другие западные страны стремятся узурпировать правозащитное досье, полностью политизировать его и применять как инструмент давления. Критику же в свой адрес они не терпят, воспринимают сверхболезненно. Во-вторых, объекты для правозащитного мониторинга подбираются выборочно, отнюдь не по универсальным критериям, а по усмотрению «приватизировавших» это досье стран.

Россия на себе ощущает необъективность, предвзятость и агрессивность задействованного против нее критиканства, которое порой переходит все мыслимые границы. Когда нам указывают на наши недостатки по делу — это можно только приветствовать и извлекать необходимые выводы. Но когда критикуют огульно, волна за волной, планомерно пытаюсь повлиять как на отношение к нам своих граждан, так и прямо на внутривнутриполитическую ситуацию в России, то понимаешь, что за всем этим стоят отнюдь не высокие моральные и демократические принципы.

Сферу прав человека нельзя никому отдавать на откуп. Россия — молодая демократия. И мы зачастую проявляем излишнюю скромность, щадим самолюбие наших опытных партнеров. А ведь нам есть что сказать — с точки зрения соблюдения прав человека и уважения основных свобод никто не совершенен. И в старых демократиях встречаются серьезные нарушения, на них не нужно закрывать глаза. Разумеется, такая работа не должна вестись по принципу «сам дурак» — от конструктивного обсуждения проблем в области прав человека выигрывают все стороны.

Российский МИД в конце года опубликовал свой первый доклад «О ситуации с правами человека в ряде государств мира». Считаю, что активность здесь надо наращивать. В том числе и для того, чтобы содействовать более широкому и равноправному сотрудничеству по всему спектру гуманитарных проблем, продвижению основополагающих принципов демократии и прав человека.

Кстати, сказанное — это лишь часть информационно-пропагандистского сопровождения нашей внешнеполитической и дипломатической деятельности, формирования правдивого образа России за рубежом. Надо признать, что успехов здесь у нас немного. На информационном поле нас часто переигрывают. Это отдельный многоплановый вопрос, которым предстоит заняться всерьез.

Россия унаследовала великую культуру, признанную и на Западе, и на Востоке. Но мы пока очень слабо инвестируем в культурные индустрии, в их продвижение на глобальном рынке. Возрождение мирового интереса к сфере идей, культуры, проявляющееся через включение обществ и экономик в глобальную информационную сеть, дает России с ее доказанными талантами в сфере производства культурных ценностей дополнительные шансы.

Для России существует возможность не только сохранить свою культуру, но и использовать ее как мощный фактор продвижения на глобальных рынках. Русскоязычное пространство — это практически все страны бывшего СССР и значительная часть Восточной Европы. Не империя, а культурное продвижение; не пушки, не импорт политических режимов, а экспорт образования и культуры помогут создать благоприятные условия для российских товаров, услуг и идей.

Мы должны в несколько раз усилить образовательное и культурное присутствие в мире — и на порядок увеличить его в странах, где часть населения говорит на русском или понимает русский.

Нужно серьезно обсудить, как с наибольшей отдачей для объективного восприятия России использовать проведение у нас крупных международных мероприятий — встречи на высшем уровне АТЭС в 2012

году, саммитов «двадцатки» и «восьмерки» в 2013 и 2014 годах, Универсиады в Казани в 2013 году, зимних Олимпийских игр в 2014 году, чемпионатов мира по хоккею и футболу в 2016 и 2018 годах.

* * *

Россия намерена и далее обеспечивать свою безопасность и национальные интересы путем самого активного и конструктивного участия в мировой политике, в решении глобальных и региональных проблем. Мы готовы к деловому, взаимовыгодному сотрудничеству, к открытому диалогу со всеми зарубежными партнерами. Мы стремимся понять и учитывать интересы наших партнеров — но просим уважать наши.